

Аспирантура Института востоковедения Академии наук СССР в годы блокады Ленинграда

Даже в страшное блокадное время Институт востоковедения Академии наук СССР не прекращал свою работу – велись исследования, публиковались научные работы, делались доклады и, естественно, работали над диссертациями аспиранты и докторанты. Об этом свидетельствуют документы из Архива востоковедов ИВР РАН о работе аспирантуры в 1941 – 1944 гг. В то время институт имел право присуждать ученые степени по четырем дисциплинам: истории, экономике, филологии и философии¹. Перед началом войны директор ИВ АН СССР акад. В. В. Струве сообщал в управление кадров Академии наук о планируемых на 1941 г. датах защиты аспирантами III курса диссертаций: на первую половину года была запланирована защита 7 диссертаций, среди которых – работа Д. И. Тихонова «Восстание в Кашгаре в 1864 г.» (защита запланирована на февраль), диссертация М. П. Булова «Рабочее движение в Индии» (февраль), диссертация Л. А. Хетагурова «Грамматика персидского языка» (март) и др. Тематика диссертаций, предназначенных к защите в период с февраля по апрель 1941 г., охватывала широкий круг вопросов востоковедения – лингвистику (монгольский и тунгусо-маньчжурские языки, персидский язык), историю (связи Армении с монголами в XIII в.) и социологию (работа М. П. Булова)². Иными словами, аспирантура в предвоенные месяцы работала, в отличие от нынешнего мирного времени, гораздо более активно. Не оставались без внимания и связи между республиками Советского Союза: так, в начале февраля 1941 г. в ИВ АН СССР был командирован из Ереванского государственного университета аспирант С. А. Шлепчян для работы над диссертацией по истории армянского народа³. В феврале 1941 г. в ИВ АН СССР прошли защиты сотрудника Азербайджанского филиала АН СССР М. Ибрагимова и научного сотрудника Чечено-Ингушского Института Д. Д. Мальсагова⁴.

Война вполне отразилась на работе института. Так, одна из сотрудниц Эрмитажа – и. о. старшего научного сотрудника Т. А. Измайлова выехала вместе с Эрмитажем в эвакуацию, в связи с чем заведующим Отдела Востока Эрмитажа была направлена в институт записка с просьбой вернуть переданную в ИВ АН СССР ее диссертацию (тема диссертации в записке не указана), что и было исполнено. Записка датируется 4 сентября 1941 г.⁵

В самое тяжелое блокадное время – зимой 1941 – 1942 гг. – в аспирантуре ИВ АН СССР велась научная работа. Об этом свидетельствует, например, ряд документов, относящихся к работе А. А. Драгунова «Грамматическая система современного китайского разговорного языка». В заявлении, направленном в дирекцию Института 15 ноября 1941 г., он указал, что эта работа прошла рецензирование и была включена в издательский план Академии наук и что он планировал после опубликования ее и ознакомления с нею широкого круга специалистов представить ее в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. «Поскольку в настоящее время, ввиду изменившихся обстоятельств, не приходится рассчитывать на скорое напечатание моей работы, – писал он, – я бы не хотел откладывать на неопределенное время ее защиту и поэтому прошу ИВ

¹ Справка для Высшей аттестационной комиссии от 14 февраля 1941 г. // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 731, л. 6.

² Письмо директора ИВ АН СССР акад. В. В. Струве в управление кадров Академии наук СССР от 27 января 1941 г. // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 731, л. 1.

³ Письмо ректора Ереванского государственного университета Г. Петросяна директору Ленинградского института Академии наук СССР // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 731, л. 3.

⁴ Справка в управление подготовки кадров АН СССР // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 731, л. 4.

⁵ Записка заведующего Отделом Востока Эрмитажа // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 731, л. 35.

[Институт востоковедения. – С. Б.] направить ее на дополнительную рецензию»⁶. Тем же числом датируются и документы, содержащие краткие сведения о названной работе и данные о научной работе А. А. Драгунова. О своей работе по грамматике китайского языка он пишет, что она имеет объем 13 печатных листов, из которых 3 листа иероглифического текста, и на нее имеются положительные отзывы д-ра филол. наук, проф. Кацнельсона и канд. филол. наук А. А. Холодовича (тексты отзывов приводятся)⁷. Этот же документ свидетельствует и об исследованиях А. А. Драгуновым дунганского языка, по которому он опубликовал ряд работ. В другом документе он излагает общие сведения о своей научной деятельности. Как видно из этого документа, он закончил Ленинградский государственный университет в 1925 г. по общему языкознанию со специализацией по китайскому языку под руководством Л. В. Щербы и опубликовал 18 научных работ по китайскому, дунганскому, тибетскому и тангутскому языкам, а в 1935 г. ему без защиты диссертации была присуждена ученая степень кандидата филологических наук⁸. В ИВ АН СССР он работал с 1928 г.⁹ Открытый им способ расшифровки тангутских писем получил признание таких крупных специалистов в этой области, как С. Вулфенден, У. Саймон, Пелльо и др.¹⁰ А. А. Драгунов вел также и занятия с аспирантами: так, сохранился отчет о выполнении индивидуального плана аспиранта Н. И. Любина, в котором тот указывает, что в первом полугодии 1941 г. слушал у А. А. Драгунова курсы по истории китайского языка и диалектологии¹¹. Из других материалов известно, что Александр Александрович Драгунов (1900 – 1955) был крупным специалистом по сино-тибетским языкам, и одним из его наиболее существенных достижений была реконструкция фонетической структуры китайского языка XII – XIV вв. на базе не китайских источников¹². Из блокадного Ленинграда он был эвакуирован в Ташкент предположительно в апреле 1942 г.¹³ Работа, о рецензировании которой просил А. А. Драгунов, вышла только после его смерти, в 1962 г. в издательстве Ленинградского государственного университета¹⁴.

На 1941 г. Институт планировал принять в аспирантуру 16 человек, причем тогда в аспирантуру входили и соискатели ученой степени кандидата наук, так и докторанты (существовала кандидатская аспирантура и докторская аспирантура)¹⁵. Естественно, мест было предоставлено меньше, чем просил Институт: 1 в докторской аспирантуре с отрывом от работы и 2 – в кандидатской без отрыва от работы¹⁶. Однако численность аспирантов ИВР АН СССР была не очень велика: на 1 апреля 1941 г. в Институте насчитывалось всего 12 аспирантов (включая соискателей ученой степени доктора наук)¹⁷. Но аспиранты, несмотря на условия войны, все же принимались, а те, кто был принят ранее, сдавали кандидатские

⁶ Заявление А. Драгунова в дирекцию Института востоковедения Академии наук СССР // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 731, л. 36.

⁷ А. Драгунов. Краткие сведения о диссертационной работе // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 731, лл. 37 – 38.

⁸ А. Драгунов. Краткие сведения о научной деятельности // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 731, л. 39.

⁹ Там же, л. 42.

¹⁰ Там же, л. 41.

¹¹ Любин Н. И. Отчет о ходе выполнения индивидуального плана // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 740, л. 35.

¹² Поцелуевский Е. А. Драгунов Александр Александрович // Яндекс.Словари [Электронный ресурс]. URL: [https://m.slovari.yandex.ru/article.xml?book=bse&title=Драгунов Александр Александрович](https://m.slovari.yandex.ru/article.xml?book=bse&title=Драгунов_Александр_Александрович), 29.04.2015.

¹³ Марахонова С. И. Институт востоковедения АН СССР в Ленинграде в годы войны и блокады (по архивным материалам) // Письменные памятники Востока, 2008, № 1 (8), с. 27.

¹⁴ Драгунов А. А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.

¹⁵ Письмо ИВ АН СССР в Отделение литературы и языка АН СССР // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 740, л. 2.

¹⁶ Приложение № 1 к п. 6 протокола № 10 Президиума Академии наук СССР от 18 марта 1941 г // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 740, л. 6.

¹⁷ Список аспирантов Института востоковедения АН СССР // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 740, лл. 8 – 10.

экзамены. Так, сохранился протокол от 1 июля 1941 г. приема кандидатского экзамена у аспиранта В. К. Юстова, который, судя по заданным ему вопросам, занимался историей китайской литературы. Вопросы были посвящены классикам китайской литературы (вопрос 3) взглядам современного китайского философа Ху Ши на китайский литературный язык (вопрос 4), термину «литература» в китайском языке (вопрос 6) и др.; по всем шести вопросам аспирант получил оценку «отлично»¹⁸. Судя по сохранившимся протоколам кандидатских экзаменов, другие аспиранты занимались также историей китайского фольклора (Е. Н. Медовая), иранистикой (Б. Фридлянд), историей бенгальской литературы (В. А. Новикова) и др.¹⁹ Один из следующих документов – письмо ИВ АН СССР в управление кадрами АН СССР – свидетельствует, что четверо аспирантов (и в их числе В. К. Юстов и Н. И. Любин) в сентябре 1941 г. уже служили в действующей армии²⁰. Судя по письму руководителя аспирантуры ИВ АН СССР А. В. Башкирова от 25 октября 1941 г., направленному в отдел кадров АН СССР, изначально планировалось эвакуировать Институт (в письме не указывается, куда именно)²¹, но потом, видимо, было принято решение оставить Институт в блокадном Ленинграде. В своей статье о работе ИВ АН СССР в годы войны С. Н. Марахонова пишет, что Академию наук и институты предполагалось эвакуировать в Томск, но в июле 1941 г. ситуация на фронте еще не была столь напряженной, и руководитель Института акад. В. В. Струве в объяснительной записке, направленной в Президиум АН СССР, писал, что Институт пока не может выехать из Ленинграда. Тем не менее 19 августа Президиум Ленсовета принял постановление об эвакуации учреждений АН СССР 21 августа 1941 г., и отъезд Института планировался на 31 августа. Но к тому моменту основные транспортные магистрали, связывающие Ленинград с другими крупными городами, были перерезаны, и Институт просто не успел эвакуироваться²².

О том, в каких условиях приходилось работать Институту в то время, говорят акты об ущербе, нанесенном артиллерийскими обстрелами. Согласно акту от 14 февраля 1942 г., составленному заведующим хозяйственной частью Института, в окно Тибетского фонда (рукописный отдел) попал снаряд и разорвался внутри комнаты; в результате было разгромлено несколько шкафов, и точный масштаб ущерба трудно оценить²³. Надо отметить характер почерка – он трудночитаеый, расплывчатый, и видно, что писал этот документ человек сильно истощенный. 9 февраля 1943 г. во внутренний двор здания Библиотеки АН СССР (именно там, на пятом этаже, располагался в то время Институт) попал снаряд, в результате чего в помещениях, занимаемых Институтом, оказалась выбита большая часть стекол. Уполномоченный Института Д. В. Семенов писал в акте об ущербе, что заделать повреждения силами сотрудников Института не представляется возможным, и в связи с этим ходатайствовал перед административно-хозяйственным управлением Ленинградского отделения АН СССР о выделении не только необходимых материалов, но и рабочей силы²⁴. 15 июня 1943 г. от попадания снаряда в помещение Тибетского кабинета погибли 74 свертка тибетских ксилографов; сумма ущерба только от этого составила 9250 долл. (составитель акта, уполномоченный ИВ АН СССР А. Н. Болдырев ориентировался при этом на среднюю цену ксилографов на международных аукционах)²⁵. Несмотря на это, Институт продолжал

¹⁸ Протокол экзаменационной комиссии по проведению испытаний аспиранта Института востоковедения тов. В. К. Юстова по кандидатскому минимуму за 1940 – 1941 гг. // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 740, л. 25.

¹⁹ Протоколы экзаменационной комиссии по проведению испытаний аспирантов по кандидатскому минимуму // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 740, лл. 26 – 31.

²⁰ Письмо ученого секретаря ИВ АН СССР Д. И. Тихонова в отдел кадров АН СССР // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 740, л. 39.

²¹ Письмо А. В. Башкирова в отдел кадров АН СССР // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 740, л. 41.

²² Марахонова С. И. Ук. соч., с. 22 – 23.

²³ Акт об ущербе от 9 февраля 1943 г. // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 768, л. 1.

²⁴ Акт об ущербе от 14 февраля 1942 г. // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 768, л. 5.

²⁵ Акт об ущербе от 15 июня 1943 г. // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 768, л. 6.

работу, хотя большинство аспирантов воевали на фронте или были эвакуированы; в эвакуацию постепенно отправлялись и сотрудники Института. Согласно справке, датированной июлем 1942 г., докторант Л. И. Думан, аспиранты Юостов и Дагин были в рядах РККА, Н. И. Любин погиб на фронте, умерли в Ленинграде Е. Н. Медовая (20 января 1942 г.), О. А. Крауш (1 июня 1942 г.) и др.²⁶, многие были в эвакуации²⁷. Сохранилась, однако, записка директора Института В. В. Струве от 4 августа 1942 г.: «Многоуважаемый Георгий Иванович! Институт востоковедения АН СССР имеет возможность зачислить Вас на одно из имеющихся в распоряжении Института свободных докторантских мест. Для оформления этого дела Вам необходимо будет прислать в Институт заявление и необходимые материалы, чтобы мы могли обратиться в Управление подготовки кадров АН СССР за получением соответствующего разрешения»²⁸ (кому она была адресована, установить не удалось). Сохранилось письмо директора Сталинабадского госпединститута Х. Садыкова от 5 августа 1942 г., в котором тот просил о научной консультации для аспиранта названного института тов. Масуми²⁹. В. В. Струве в ответной записке от 4 сентября 1942 г. написал: «Институт востоковедения АН СССР согласен оказать помощь Вашему аспиранту Масуми после приезда в Ташкент в начале сентября с. г. члена-корреспондента АН СССР профессора Е. Э. Бертельса, который сможет просмотреть план, дать заключение по теме и дать консультацию в дальнейшей работе над диссертацией т. Масуми»³⁰. В октябре 1942 г. была принята в аспирантуру ИВ АН СССР на филологическое отделение по японскому языку Е. Л. Наврон-Войтинская, которая ранее (с 15.09.1938 по 01.07.1941) училась в аспирантуре Московского института востоковедения, работая над диссертацией по теме «Оформление лица в глаголе в японском языке», но затем в связи с эвакуацией в с. Боровое Акмолинской области была вынуждена прервать эту работу³¹.

Несмотря на очень сложные условия, аспирантура ИВ АН СССР даже в эвакуации (в Ташкенте) продолжала работу. На 1 января 1943 г. в аспирантуре числилось 13 человек, в указанном году принимались новые аспиранты. Сохранился протокол от 5 июня 1943 г. вступительных испытаний в аспирантуру по японскому языку Р. Г. Карлиной, сданных ею на «отлично»³². 8 июня она же сдавала экзамен по основам марксизма-ленинизма (вопросы были посвящены творчеству Л. Фейербаха, Г. В. Плеханова и др., и, естественно, взглядам И. В. Сталина); здесь она проявила себя не так ярко – экзамен был сдан с оценкой «хорошо»³³. Нельзя не отметить, что сохранившиеся протоколы написаны уже в основном от руки, на плохой бумаге, иногда просто на обрывках – хорошее свидетельство того положения, в каких условиях приходилось работать аспирантуре. Но на 1 июля 1943 г. (то есть уже после прорыва блокады 18 января 1943 г., но до ее полного снятия) в аспирантуре Института числилось уже 16 аспирантов (включая кандидатскую и докторскую аспирантуру и аспирантов как с отрывом, так и без отрыва от производства); справка об этом датирована 3 августа 1943 г.³⁴ Согласно плану приема в докторскую и кандидатскую аспирантуру на

²⁶ Марахонова С. И. Ук. соч., с. 26, 30.

²⁷ Сведения о докторантах и аспирантах Института востоковедения Академии наук СССР // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 777, л. 2.

²⁸ Записка директора ИВ АН СССР В. В. Струве от 4 августа 1942 г. // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 777, л. 3.

²⁹ Письмо директора Сталинабадского госпединститута Х. Садыкова от 5 августа 1942 г. // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 777, л. 4.

³⁰ Записка директора ИВ АН СССР В. В. Струве от 4 сентября 1942 г. // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 777, л. 5.

³¹ Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 777, лл. 12 – 18.

³² Протокол вступительных испытаний по японскому языку Р. Г. Карлиной от 5 июня 1943 г. // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 804, л. 2.

³³ Протокол вступительных испытаний по основам марксизма-ленинизма Р. Г. Карлиной от 8 июня 1943 г. // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 804, л. 3.

³⁴ Список аспирантов ИВ АН СССР от 3 августа 1943 г. // Архив востоковедов ИВР РАН, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 804, л. 10.

1943 – 1944 гг. в ИВ АН СССР должно было быть принято 12 аспирантов – двое в докторскую (на китайистику и арабистику) и десять в кандидатскую.

Кем были те люди, которые учились в аспирантуре ИВ АН СССР в годы войны и работали в Институте в это тяжелое время? Дошлуко Дохович Мальсагов (1898 – 1966), который защитил диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук в феврале 1941 г., был крупным ученым-кавказоведом и писателем³⁵. Раиса Григорьевна Карлина (1910 – 1968) на восточном факультете Ленинградского государственного университета 25 мая 1950 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Роман Фтабатэя “Плывущее облако”», работала в Публичной библиотеке, переводила японскую и китайскую художественную и техническую литературу³⁶. Евгения Львовна Наврон-Войтинская (1906 – 1981) защитила в 1946 г. кандидатскую диссертацию по филологии на тему «Личная форма японского глагола» и впоследствии работала на кафедре японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО³⁷. Лазарь Исаевич Думан (1906 – 1979) еще в апреле 1935 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII в.» в ИВ АН СССР, в докторскую аспирантуру поступил в сентябре 1940 г., а в июне – июле 1941 г. был заместителем директора Института, с июля 1941 по сентябрь 1952 гг. служил в рядах Советской армии (на Дальнем Востоке), после чего вернулся в Институт (который в то время был уже переведен в Москву)³⁸.

К октябрю 1944 г. в Ленинградской группе ИВ АН СССР (в блокадном городе постоянно оставалась группа сотрудников, чтобы следить за фондами Института) насчитывалось уже 13 человек³⁹. Город постепенно восстанавливался после блокады. В июле 1945 г. Институт вернулся в Ленинград. 42 человека из личного состава Института погибли в годы войны – в блокадном городе, в эвакуации, на фронте. Судьба некоторых (в частности, В. К. Юстова) осталась неизвестной⁴⁰. Но научный коллектив был сохранен, научная преемственность не прервалась, и научные школы, которые действуют в ИВР РАН в наше время – прямые наследники довоенных востоковедных школ.

³⁵ Дзарахова З. М. Т. «Я буду со своим народом» // Ингуш.RU [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ingush.ru/jzl8.asp>, 30.04.2015. Матиев А. Дошлуко Мальсагов как фольклорист // Хоамаш: Ингушский информационно-аналитический портал [Электронный ресурс]. URL: <http://hoamash.ru/doshluko-mal-sagov-kak-fol-klorist.html>, 30.04.2015.

³⁶ Энглина А. Б. Карлина Раиса Григорьевна // Российская Национальная Библиотека, Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=995, 30.04.2015.

³⁷ Кафедра японского, корейского, индонезийского и монгольского языков // МГИМО – Университет МИД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mgimo.ru/study/faculty/mo/kjap/?text=full>, 30.04.2015.

³⁸ Хохлов А. Н. Л. И. Думан: тернистый путь настоящего ученого // Синология.Ру: история и культура Китая. URL: http://www.synologia.ru/a/Л.И.Думан:тернистый_путь_настоящего_ученого, 30.04.2015.

³⁹ Марахонова С. И. Ук. соч., с. 34.

⁴⁰ Там же, с. 35.